

Мельникова Н.В.
(Екатеринбург)

Образование в структуре потребностей, интересов и ценностей жителей закрытых городов Урала (1950 – 1960-е гг.)

Во второй половине 1940-х гг. на Урале началось возведение первых в стране атомных комбинатов, специализировавшихся на производстве ядерного оружия и его комплектующих. Одновременно с промышленными предприятиями шло строительство закрытых городов с уникальной социально-бытовой инфраструктурой и своеобразной психологической атмосферой.

В целом, на Урале разместилось пять из десяти ныне существующих закрытых административно-территориальных образований Росатома. Это Новоуральск (Свердловск-44), Лесной (Свердловск-45), Озерск (Челябинск-65), Снежинск (Челябинск-70) и Трехгорный (Златоуст-36).

Одной из особенностей структуры потребностей, интересов и ценностей жителей закрытых городов в 1950-е – 1960-е гг. являлось стремление к получению знаний. “Рвение нашей молодежи к повышению своего общеобразовательного уровня велико, – говорилось на одной из городских партийных конференций г. Лесного. – Не всем желающим удастся поступить в учебные заведения, так как не хватает мест из-за большого конкурса” (1).

Стремление к получению образования вызвано несколькими причинами. Во-первых, поколение, формировавшее население ЗАТО в исследуемый период, не смогло должным образом получить образование в связи с условиями, вызванными Второй мировой войной. Во-вторых, новизна решаемых задач заставляла пополнять и расширять знания. “Все было новое и неизвестное. Приходилось обучаться и тут же работать,”- вспоминают ветераны комбината ЭХП (2). Организация общественного труда с преобладанием малообразованных, низкоквалифицированных работников становилась все менее пригодной в период перехода к научно-индустриальной стадии модернизации. В-третьих, учиться и быть студентом являлось престижным. В-четвертых, в декабре 1956 г. был принят Закон о перестройке системы народного образования, по которому было введено всеобщее восьмилетнее образование. В связи с этим в закрытых городах была широко развернута кампания по получению восьмилетнего образования всеми рабочими моложе 30 лет.

Именно в силу вышеуказанных причин более 43 % от общего числа респондентов ретроспективного социологического исследования населения г. Лесного предпочитали отдавать свободное время получению образования, повышению квалификации или расширению кругозора.

Городские власти с повышенным вниманием относились к данному вопросу. Подготовка собственных высококвалифицированных кадров была крайне важной для молодой атомной отрасли. Об этом свидетельствует и тот

факт, что на народное образование отводилась одна из самых крупных статей городского бюджета. Так, с 1955 по 1965 гг. в г. Новоуральске на народное образование ежегодно расходовалось в среднем 56% расходной статьи бюджета, в г. Лесном – 54%, в г. Озерске – 51% (3).

Большее внимание в системе образования закрытых городов уделялось естественнонаучным предметам, выполнению практических и лабораторных работ по соответствующим тематикам.

85% учащихся, занимавшихся в различных формах обучения, составляли работники завода (4). Наиболее распространенной была общеобразовательная учеба в школах рабочей молодежи: ежегодно там обучалось до 1500 человек, выпускалось 160-180 человек (5). Таким образом, ученики ШРМ составляли от 31 до 42 % от общего количества учащихся (6).

Если в середине 1950-х гг. школ рабочей молодежи не хватало, они не могли вместить всех желающих (учащиеся сидели за партой по четыре человека, иногда боком к доске), то через 10 лет отмечалось, что “ШРМ у нас более, чем достаточно” (7).

В результате обучения в ШРМ сокращалось количество рабочих в возрасте до 35 лет, не имевших восьмилетнего образования. Например, в г. Новоуральске в 1960-е гг. количество таких рабочих ежегодно сокращалось на 14 % (8). Более того, большинство получивших восьмилетнее образование продолжало учебу, оканчивая 9-10 классы и техникумы. Так, в г. Трехгорный во второй половине 1960-х гг. эта группа учащихся составляла 78 % (9).

Достаточно распространены были курсы сети технического образования, в том числе и курсы по повышению квалификации. В г. Новоуральске, например, проходившие учебу по повышению квалификации ежегодно составляли примерно 34 % от общего числа учащихся (в том числе 28 % рабочих и 6 % ИТР) (10).

Немного меньшее количество людей обучалось в техникумах и институтах закрытых городов: от 22 до 27 % от общего числа обучающихся (11). Собственные институты в закрытых городах появились в начале 1950-х гг. Они были созданы на базе Московского инженерно-физического института и являлись его отделениями. Во второй половине 1950-х гг. шло активное строительство учебных корпусов вузов, с разнообразными аудиториями и лабораторной базой, формировалась кафедральная структура учебных заведений и профессорско-преподавательский состав. Отличительной особенностью отделений МИФИ был высокий процент преподавателей-почасовиков (12). Это объясняется большим количеством читаемых дисциплин, необходимостью привлекать специалистов производства (а не профессиональных преподавателей): в условиях оперативно-экспериментального характера предприятий, неотработанных технологических процессов знания и опыт практиков были чрезвычайно важны для будущих работников атомных комбинатов.

Обучение, как правило, проходило без отрыва от производства, и чем выше был его уровень, тем больше была нагрузка. Предъявлялись дос-

таточно высокие требования к качеству знаний. Например, успеваемость студентов МИФИ г. Лесного в 84-89 % считалась низкой (13).

Получающие среднее специальное и высшее образование были более настойчивы в достижении конечной цели. Так, если отсеив в школах рабочей молодежи в конце 1950-х – 1960-е гг. составлял в среднем 37 %, то в институтах и техникумах – только 10 % (14). “Что мешает рабочим идти в школу? - задавался вопросом один из партийных руководителей г. Новоуральска, – Начальники цехов не идут на встречу работающим учащимся. По этой причине многие бросают школу, не выдерживают нагрузки” (15). В целом, основные причины прекращения учебы следующие: невозможность совмещать ее с работой, повышенная трудность предметов, значительное отставание в освоении учебного материала в результате болезни, семейные обстоятельства (эта причина касалась главным образом женщин, вышедших замуж). По неуважительным причинам (например, нежелание) оставляли учебу до 30-40 % учащихся ШРМ и только 2 % студентов техникумов и институтов (16).

В целом уровень образования в закрытых городах был достаточно высок, что позволяло готовить собственных высококвалифицированных научных специалистов. Так, за 15 лет существования аспирантуры в г. Новоуральске в конце 1960-х гг. было подготовлено 77 кандидатов и 9 докторов наук, что составляет 2 % от всего взрослого населения, занимавшегося различными формами обучения с конца 1940-х гг. (17). Такой же процент обучающихся в аспирантуре был в г. Снежинске (18).

Занимаясь самообразованием, население закрытых городов активно посещало различные лектории: научно-технических, естественнонаучных, медицинских знаний и т.п. Количество лекций могло колебаться от 10 до 70 в месяц, а количество слушателей – от 600 до 800 человек (19). “Лекции посещает сознательная часть населения, а кого больше интересует “шумел камыш” не посещают их и остаются вне поля зрения общественных организаций,” – сетовал докладчик на городской партийной конференции г. Новоуральска (20).

Темы лекций были разнообразны: “О сохранности социалистической собственности”, “О пережитках капитализма в сознании людей”, “О трудовом законодательстве”, “Применение атомной энергии в народном хозяйстве”, “Приоритет нашей Родины в важнейших научно-технических открытиях” и пр. (21). Кроме образовательной функции, многие лекции были подчинены идеолого-воспитательным целям: напоминали жителям закрытых городов о сложности международной обстановки, о важности выполняемой ими работы. Например, в г. Озерске в 1965 г. лекции о международном положении и на военно-политические темы составляли 59 %, а лекции о науке, технике, литературе и искусстве – только 9 % (22). При этом сами жители отмечали, что в условиях закрытости города подобные лекции были необходимы и воспринимались с большим интересом (23).

В указанный период были распространены различные формы политечебы, которые стоят несколько особняком от вышеперечисленных, по-

сколькx в подавляющем большинстве случаев носили обязательный характер. Слушатели системы партийного просвещения воспринимали ее функционально, руководствуясь мотивами продвижения по служебной лестнице, гарантии определенного социального статуса, боязни утраты социальной защищенности, рабочего места.

Большинство слушателей (как коммунистов, так и комсомольцев) посещало кружки по изучению истории КПСС основного типа первого года обучения и политшколы. Наиболее распространены были следующие темы лекций: “Устав КПСС – основной закон партийной жизни”, “О коммунистической морали и нравственности”, “КПСС – руководящая и направляющая сила советского общества”, “О советском патриотизме”, “Великое содружество Ленина и Сталина”, “Критика и самокритика – закон развития социалистического общества” и т.п. Кадрx пропагандистов были достаточно опытны и подготовлены: в среднем около половины имели высшее образование, у 62% стаж пропагандистской работы превышал 3 года, по характеру работы большинство (68%) являлось служащими и партийными или советскими работниками (24).

Средняя посещаемость занятий составляла 75-80% от общего числа обучающихся. При этом, комсомольцы были менее дисциплинированы, чем члены КПСС: их посещаемость доходила до 50% и менее. Особенно резко снижалось количество слушателей-комсомольцев с наступлением весеннего периода (25).

Как указывалось в справках об итогах учебы в сети партийного просвещения, ряд обучающихся формально посещали кружки, не работали над изучением материала, не готовились к семинарам, не принимали участия в обсуждениях и беседах, в результате чего “слабо разбирались в вопросах теории”. Вот, например, выдержка одного из протоколов итогового собеседования со слушателем кружка по истории КПСС:

“Вопрос: Какие постановления принял ЦК партии по идеологическим вопросам после войны?”

Ответ: Постановление о трехлетнем плане развития животноводства. Вопрос: Сколько в СССР собрано хлеба в 1950-м г.?

Ответ: Хватит, голодать не будем.

Вопрос: Что такое космополитизм?

Ответ: Это нехорошая штука.

Вопрос: Что требует партия от работников литературы и искусства?

Ответ: Конечно, хорошего требует” (26).

В целом, как показывали итоговые беседы по темам курсов и обсуждения рефератов, несмотря на определенное количество недисциплинированных и неуспевающих учащихся, основная масса слушателей (от 49% до 92%) усваивала материал (27).

Среди обучающихся в сети партийного просвещения в 1950-е гг. наиболее малочисленную группу составляли те, кто занимался самостоя-

тельным изучением теории марксизма-ленинизма. Как правило, данную форму получения политического образования выбирали руководящие работники, начальники цехов и отделов градообразующих предприятий. Как показывали проверки экономической и политической грамотности руководящего состава, около 50% коммунистов, избравших самостоятельную форму учебы, “использовали ее как ширму для прикрытия бездеятельности в деле повышения идейно-теоретического уровня”, не имели индивидуальных планов, не изучали рекомендуемую литературу (28). Наиболее типичным объяснением недостаточно ответственного подхода к политическому самообразованию были ответы “некогда”, “очень загружен работой”, “не имею возможности”.

Социологическое исследование, проводимое в конце 1960-х гг. среди 1000 коммунистов, занимающихся в сети партийного просвещения Уральского электрохимического комбината (г. Новоуральск), показало, что только 27% посещают занятия с желанием; 47% ответили, что обучаются без желаяния, из них 25% – только потому что обязывают. Среди причин незаинтересованности в занятиях наиболее часто назывались сухость, вялость, невыразительность лекций, отсутствие “живого” обсуждения проблем. 50% опрошенных считало, что проводимые занятия слабо связаны с жизнью, важнейшие текущие вопросы рассматриваются неглубоко и недостаточно (29). Аналогичные результаты дало подобное исследование в г. Озерске (30).

Несмотря на некое отторжение политического просвещения можно сказать, что в целом тяготение к приобретению знаний в рассматриваемый период было социальной нормой, стереотипом поведения для всего населения ЗАТО, характерной особенностью являлось значительное преобладание среди обучающихся работников градообразующих предприятий (что было вызвано производственной необходимостью).

1. ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 115. Л. 50.
2. Митюков В.А. Удивительные люди уникального завода. Лесной, 1998. С. 67.
3. Подсчитано по: Государственный архив (далее ГА) г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 4. Д. 28. Л. 48, 53, Д. 29. Л. 58, 60, Д. 43. Л. 53, Д. 46. Л. 90, О. 28. Д. 292. Л. 296, О. 48. Д. 588. Л. 109, О. 73. Д. 1200. Л. 212; ГА. г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 64, 73, Д. 77. Л. 31, 120, 171, 274, 277; ГА. г. Озерска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19. Л. 93, Д. 32. Л. 77, Д. 33. Л. 110, Д. 66. Л. 49, Д. 84. Л. 63, Д. 101. Л. 35, Д. 119. Л. 27, Д. 138. Л. 9, 17, 18, Д. 143. Л. 94.
4. ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 6. Д. 53. Л. 42.
5. Там же. Оп. 1. Д. 115. Л. 47, Д. 150. Л. 75, Оп. 6. Д. 1. Л. 20, Оп. 8. Д. 31. Л. 23; Ф. 5459. Оп. 1. Д. 1. Л. 46, Д. 57. Л. 37, Оп. 4. Д. 2. Л. 55, Оп. 7. Д. 1. Л. 83, Оп. 10. Д. 42. Л. 15, Оп. 17. Д. 13. Л. 189; ГА. г. Озерска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 85. Л. 15.
6. ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 635. Л. 70; ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 17. Д. 13. Л. 189.
7. ОГАЧО. Ф. 2983. Оп. 1. Д. 1. Л. 13, Ф. 2469. Оп. 6. Д. 1. Л. 52; ГА. г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 127.
8. ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 17. Д. 13. Л. 189.

9. Ананьин М.А. Записки деда. Златоуст-36, 1993. С. 90.
10. ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 17. Д. 13. Л. 189.
11. ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 635. Л. 70; ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 17. Д. 13. Л. 190; Ф. 1442. Оп. 1. Д. 172. Л. 107.
12. Рясков С.А. Социокультурное развитие закрытых городов Урала (вторая половина 1940-х – середина 1980-х гг.). Автореферат на соискание ученой степени канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004. С. 17.
13. ЦДООСО. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 90. Л. 38.
14. Там же. Ф. 5459. Оп. 4. Д. 2. Л. 56, Оп. 10. Д. 42. Л. 27.
15. Там же. Ф. 5459. Оп. 1. Д. 1. Л. 49.
16. ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 623. Л. 85; ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 15. Д. 1. Л. 47; Ф. 5673. Оп. 1. Д. 46. Л. 201.
17. ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 17. Д. 13. Л. 190.
18. ОГАЧО. Ф. 2845. Оп. 2. Д. 3. Л. 25-26.
19. ГА. г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 4. Д. 23. Л. 95, Оп. 4. Д. 36. Л. 118; ГА. г. Озерска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 32. Л. 35; ГА. г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8. Л. 392, 394-398, Оп. 1. Д. 687. Л. 171; ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 4. Д. 1. Л. 58, Ф. 2469. Оп. 6. Д. 1. Л. 5.
20. ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 1. Д. 57. Л. 91.
21. ГА. г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 4. Д. 23. Л. 95, Оп. 4. Д. 36. Л. 120; ОГАЧО. Ф. 2469. Оп. 6. Д. 1. Л. 5.
22. ОГАЧО. Ф. 2469. Оп. 6. Д. 1. Л. 5.
23. Фонды городского краеведческого музея г. Новоуральска. Из воспоминаний Е.Т. Матвеевой // Созидание (дела и люди). Сборник. УЭХК. Свердловск-44, 1989. С. 188.
24. ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 633. Л. 11, Оп. 2. Д. 2. Л. 11, 52; Ф. 2845. Оп. 1. Д. 1. Л. 37; ЦДООСО. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 10. Л. 25, 46, 118, 200; Ф. 657. Оп. 1. Д. 71. Л. 9.
25. ЦДООСО. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 46. Л. 94, Д. 72. Л. 4, Д. 90. Л. 21.
26. Там же. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 36. Л. 54, 55.
27. Там же. Д. 72. Л. 2, 5; Ф. 657. Оп. 1. Д. 71. Л. 7.
28. ОГАЧО. Ф. 2845. Оп. 5. Д. 5. Л. 38, 39; ЦДООСО. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 36. Л. 50-54.
29. Там же. С. 23.
30. Там же. Ф. 2469. Оп. 7. Д. 2. Л. 100-104, 144.

Мирошкин М.А.
(Екатеринбург)

Похозяйственные книги сельсоветов как источник информации о сельском населении 1930-х годов

Среди всей совокупности массовых источников по социально-экономической истории колхозного крестьянства 1930-х годов выделяются «Похозяйственные книги сельсоветов».

Впервые как основной документ первичной учетной документации граждан они были введены в 1934 г. с целью упорядочения хозяйственной